

перевантаженням, призводять до росту рівня безкарності винних у скоєнні злочинів і відтворенню злочинності, яка стає все більш організованою та професійною. Істотно збільшилась й зростає агресивність вчинених злочинів і заподіяна ними шкода, підвищується рівень самозахисту злочинців від викриття, у протиправну діяльність залучаються все нові учасники. Крім того, за останні роки злочинність набула мафіозно-організованого характеру, відбулося її зрощування з корумпованою частиною державного апарату, внаслідок чого виникли мафіозні структури.

В таких умовах навіть у законослухняних громадян виробляються антиправові установки та стереотипи, з'являється недовіра до існуючих інститутів, а у деяких і почуття всюдозволеності, яке підштовхує окремих особистостей до скоєння злочину. Адже будь-який злочин - це перш за все вчинок, а вчинок виступає плодом помислів, тому саме за вчинками можна судити про реальну наявність і наслідки правового нігілізму в суспільстві.

Таким чином, порушення прав і свобод громадян, з одного боку, виступає джерелом правового нігілізму, а, з другого боку, є його наслідком, формою вираження, продуктом хворого на нігілізм суспільства.

Тому ні в кого не повинно викликати сумнівів те, що охорона та захист від порушень прав і свобод громадян, створення належних умов для їх реалізації, вживання заходів щодо їх зміцнення та практичного втілення в життя, поновлення порушених прав, в разі необхідності, є найбільш дієвими засобами подолання правового нігілізму. Адже цей соціально-юридичний феномен буде існувати в суспільстві до того часу, поки людина не зможе здійснювати права, проголошені та закріплені в законодавстві, поки вони будуть масштабно повсюдно і, що дуже важливо, безкарно порушуватись - все це, на жаль, спостерігається в сучасній Україні.

Подолання ж правового нігілізму з максимальною ефективністю, в ідеалі, можливо лише тоді, коли кожен громадянин реально відчуває, що його права і свободи не порушені і надійно захищаються.

¹ Туманов В.А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. – 1989. – № 10. – С. 24.

² Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны "одной медали" // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 8.

³ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны "одной медали" // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 8.

В. Туранин,

*аспирант Белгородского государственного
университета, Российская Федерация*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Современная терминологическая система неоднородна и, порой, крайне противоречива. Например, многие юридические термины, обозначающие понятия экономического характера, функционируют сразу в нескольких нормативных актах различных отраслей права, составляя межотраслевой терминологический аппарат. При этом нередко возникают спорные ситуации относительно правильного понимания того или иного интегрированного понятия, провоцирующие возникновение коллизий при толковании определенных терминов. Например, весьма неоднозначно в юридической науке и практике трактуются термины "банковская тайна" и "доход", содержащиеся в нормах главы 22 УК РФ "Преступления в сфере экономической деятельности".

Общепризнано, что несогласованное использование терминов, обозначающих одно и то же понятие в нормативных актах различных отраслей права, является серьезной проблемой межотраслевого взаимодействия. Например, если интегрированный термин дефинируется в нормативном акте базовой отрасли и не дефинируется в нормативном акте другой отрасли права, то это зачастую приводит к бланкетности нормы, содержащей термин без определения. Некоторые ученые выходят из данной ситуации в том, что "содержание бланкетных признаков таких норм можно уяснить не его (термина – В.Т.) толкованием, а путем обращения к нормативному акту, где этот термин используется"¹. Иными словами, в случае возникновения проблемы, связанной с установлением содержания межотраслевого термина, предлагается обращаться к его толкованию в нормативном акте той отрасли права, которая является базовой для данной терминологической единицы. Заметим, что в данной ситуации неизбежно возникновение различного рода трудностей.

Исходя из позиции П.Яни, при толковании термина "банковская тайна", задефинированного в тексте УК РФ (ст.183), заинтересованному лицу необходимо обращаться за разъяснением его содержания к соответствующему гражданско-правовому нормативному акту, в котором указанная терминологическая единица определяется. Однако, как показывает анализ нормативного массива, разъяснения понятия "банковская тайна" присутствуют сразу в двух действующих гражданско-правовых законодательных актах: ГК РФ и ФЗ "О банках и банковской деятельности". В соответствии с п.1 ст.857 ГК РФ: "Банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте". Согласно ст.26 ФЗ "О банках и банковской деятельности": "Кредитная организация, Банк России гарантируют тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Все служащие кредитной организации обязаны хранить тайну об операциях, счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов, а также об иных сведениях, устанавливаемых кредитной организацией, если это не противоречит Федеральному закону"².

Очевидно, что существует ряд принципиальных различий, касающихся содержания понятия "банковская тайна". По мнению М.И.Брагинского, "при коллизии гражданско-правовых норм, содержащихся в любом нормативном акте (в том числе федеральном законе), со статьями ГК суд, как и любой другой орган, применяющий право, обязан руководствоваться нормами ГК"³. Данное высказывание подтверждается императивным предписанием, содержащимся в п.2 ст.3 ГК РФ: "Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу", а также некоторыми другими нормативными положениями. Например, статья 6 Налогового кодекса РФ "Несоответствие нормативных правовых актов о налогах и сборах настоящему Кодексу" в части 1 устанавливает довольно жесткое требование: "Нормативный правовой акт о налогах и сборах признается не соответствующим настоящему Кодексу, если такой акт: ...8) изменяет содержание понятий и терминов, определенных в настоящем Кодексе, либо использует эти понятия и термины в ином значении, чем они используются в настоящем Кодексе". По утверждению А.Ю.Викулина, "Федеральный закон трактует понятие "банковская тайна" значительно шире, чем Гражданский кодекс РФ"⁴, что выражается в более широком понимании субъекта, которого закон обязывает гарантировать банковскую тайну (в ГК – банк, в ФЗ – кредитная организация), предмета банковской тайны (в ГК – операции по счету, в ФЗ – операции вообще) и т. д. В связи с этим, возникает вопрос о том, как же трактовать исследуемое понятие в УК РФ? О.М. Олейник, рассуждая о применении указанных статей ГК РФ и ФЗ "О банках и банковской деятельности", регулирующих одинаковые правоотношения, акцентирует внимание на том, что "целесообразно

использовать правило о соотношении общих и специальных правовых норм. Поскольку ст.26 (ФЗ "О банках и банковской деятельности" – В.Т.) является специальной, надо следовать требованиям этой статьи⁵. Приведенное высказывание подкрепляется фактом существования принципа "*lex specialis derogat generali*" (специальный закон отменяет действие общего закона применительно к фактам, предусмотренным специальным законом), известного еще римскому праву.

Безусловно, в современных условиях развития общественных отношений, кодифицированные нормы не могут охватывать все гражданско-правовое поле, поэтому и принимаются законы, расширяющие их действие. В данной ситуации, наличие в некодифицированном законодательном тексте определений юридических терминов, конкретизирующих и дополняющих основополагающие определения, содержащиеся, например, в тексте ГК, неизбежно. Поэтому, при межотраслевом использовании термина "банковская тайна", во избежание коллизий при правоприменении, законодателю в тексте УК необходимо исходя из поставленных целей, обязательно дать его нормативную дефиницию. На наш взгляд, учитывая расширенную семантическую амплитуду определения исследуемого понятия, содержащегося в ФЗ "О банках и банковской деятельности", в тексте УК должна присутствовать именно данная дефиниция.

Ситуация, при которой интегрированное понятие, выраженное соответствующим термином содержится в бланкетной диспозиции статьи нормативного акта не проста еще и потому, что адресат закона не всегда точно может установить базовую принадлежность нормы, к которой следует обратиться за его разъяснением. Например, как указывает А.Э.Жалинский, при толковании статей 171-172 УК РФ, посвященных преступлениям в сфере экономической деятельности, "возникли расхождения относительно понятия "доход"⁶. Доход в крупном или особо крупном размере в статьях 171 и 172 УК РФ является признаком незаконной предпринимательской или банковской деятельности. При этом возможны два основных варианта базовой принадлежности данного понятия: 1) "доход" – это гражданско-правовое понятие, употребляемое, например, в контексте части 2 статьи 15 ГК РФ; 2) "доход" – это понятие налогового права, и в соответствии со статьей 41 Налогового кодекса РФ оно должно пониматься как "экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить".

В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 декабря 1998 года указывается, что: "...доход, предусмотренный статьей 171 УК РФ следует понимать как разницу между полученной от предпринимательской деятельностью прибылью и расходами, понесенными в результате этой деятельности"⁷. Фактически, можно сделать вывод о том, что при определении дохода в контексте статьи 171 УК Верховный Суд исходит из того, что это понятие налогового права, трактуя его как объект налогообложения, что является, на наш взгляд, верным. Однако некоторые исследователи считают, что доход в исследуемом контексте – это гражданско-правовое понятие, поэтому, в качестве дохода необходимо рассматривать все средства либо имущество в денежном выражении, полученные от занятия незаконной предпринимательской деятельностью. Например, С. Васендин придерживается точки зрения, в соответствии с которой в контексте статьи 171 УК экономическое понятие "доход" подменяется понятием "прибыль" (чистый доход), обосновывая это тем, что "в силу п.3 ст.23 ГК к предпринимательской деятельности гражданина применяются правила Гражданского кодекса, регулирующие деятельность коммерческих организаций, если иное не предусмотрено законом, иным правовым актом, а так как ст.171 УК включена в главу Кодекса "Преступления в сфере экономической деятельности", то и доход, упоминаемый в названной статье, необходимо толковать так, как он понимается с экономической точки зрения применительно к коммерческим организациям"⁸. Такого же мнения придерживается и Ю.П.Кравец, отмечая, что "в доход должны включаться все суммы, полученные от незаконной предпринимательской деятельности без исключения из него каких-либо расходов, так как диспозиция ст. 171 УК РФ предполагает извлечение дохода, а не прибыли, как конечной цели предпринимательской деятельности"⁹.

Отметим, что окончательно вопрос о правовой природе понятия "доход" применительно к некоторым нормам УК так и не решен. На наш взгляд, при определении исследуемого понятия в тексте УК (что при данных обстоятельствах является обязательным), законодателю необходимо уточнить, какой доход (совокупный или чистый) служит условием наступления уголовной ответственности. От этого и будет зависеть правильное определение базовой принадлежности понятия "доход".

¹ Яни П. // Российская юстиция. – 1995. - №11. - С. 46-47.

² СЗ РФ. – 1996. - №6. - Ст.492.

³ Комментарий части первой ГК РФ / Под ред. М.И.Брагинского. – М., 1995. - С. 44.

⁴ Викулин А.Ю. // Государство и право. – 1998. - №7. - С.67.

⁵ Олейник О.М. // Хозяйство и право. – 1997. - №6. - С. 135.

⁶ Жалинский А.Э. // Государство и право. – 1999. - №12. - С.52.

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. - №7. - С.7-9.

⁸ Васендин С. // Российская юстиция. – 2001. - №1. - С.16.

⁹ Кравец Ю.П. // Законотворческая техника современной России. – Н.Новгород, 2001. - С. 176.

Н. Філик,

ад'юнкт Національної академії
внутрішніх справ України, м. Київ

НЕОБХІДНІСТЬ ПОБУДОВИ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА В УКРАЇНІ

В Україні як частині Російської імперії, а згодом і СРСР саме держава почала створювати або "дозволяти" певні прояви громадянського суспільства, тобто цей процес відбувався зверху. Реалізація самого ж громадянського суспільства в СРСР природним способом була в принципі неможлива, бо в радянській державі першочерговими визнавалися інтереси держави, а не окремого індивіда, а громадянське суспільство передбачає націленість держави саме на задоволення інтересів кожного громадянина. Громадянське суспільство має дуже обширний простір впливу. Це сфера недержавних відносин у суспільстві, це приватне життя людей та їх організацій, обмежене законами від прямого втручання і надмірної регламентації їх діяльності з боку державної влади. Ці групи є порівняно незалежними як від органів влади, так і від позадержавних виробничих одиниць. Вони здатні здійснювати акції щодо захисту і реалізації своїх інтересів та потреб, але не прагнуть при цьому підмінювати собою державні структури, хоча згодні діяти у рамках, встановлених правовими та іншими соціальними нормами, саме факт наявності такого суспільства свідчить про існування певної системи цінностей. Чи не основним показником розвинутості громадянського суспільства є гарантоване ним забезпечення прав людини, які визнані загальнолюдською цінністю. Так,